

Почему плохо работает фабрика «Красное эхо»

В дни войны большинство предприятий нашей страны, области и города честно выполняли заказы фронта. В результате мы победили.

А как работала, в дни тяжёлых испытаний фабрика «Красное эхо»? Начиная с 1941 года она, значительно сократив объём выпускаемой продукции, четыре военных года не выполняла плана.

Почему?

Товарищ Сталин учит нас, что нет плохих предприятий, есть плохие руководители.

Значит, на фабрике «Красное эхо» плохо руководили. Обратимся к фактам.

В последнем квартале 1945 года коллектив фабрики, воодушевлённый победой над врагом, стал набирать темпы. За хорошую работу в III квартале 1945 г. фабрика получила переходящее Красное знамя Наркомата и ЦК Союза, выполнив годовой план на 103%.

Товарищ Сталин учит нас не кичиться успехами, не зазнаваться, а закреплять успехи, чтобы двигаться вперёд.

А как руководители восприняли эти указания вождя, как они практически закрепляли успех?

Директор тов. Эйбус тогда самоуверенно говорил:

— Хватит считать фабрику отстающей. Фабрика теперь будет работать без простоев. Паросиловое хозяйство реконструировано. Топливом обеспечены. Все условия для хорошей работы фабрики налицо.

Мы были согласны с таким заявлением. Фабрика действительно стояла на ногах и не должна была больше подводить город.

И вдруг с нового года фабрику снова начало лихорадить. В дни подготовки к дню выборов в Верховный Совет СССР когда во всей стране был подъём, на фабрике «Красное эхо» кривая пошла вниз. План первых двух месяцев 1946 года выполнен только на 62,5%. Фабрика потеряла переходящее Красное знамя. И в марте фабрика работает на уровне 63%, а 14 марта фабрика почти целый день стояла и план выполнила всего на... 14%.

В чём дело? Что случилось? Где же подтверждение пылких, многообещающих ноябрьских речей тов. Эйбуса и где их логика? Что теперь он скажет на это? Но теперь мы уже знаем пустоту его фраз.

А что скажет секретарь партбюро тов. Васильев? Он заявляет:

— Фабрика не выполняет план из-за частых простоев, вызванных отсутствием кондиционного фрезерного торфа. В результате два основных котла, работающих на фрезерном торфе, простаивают. Остальные котлы не дают нулевого давления пара и фабрика работает на неполную мощность. Былой запас топлива иссяк. Фабрика отапливается с колёс.

Только ли в этом главное?

Конечно, нет. Коренной причиной срыва январской и февральской программ является порочный стиль руководства.

Неужели руководители фабрики не знали, какой у них по качеству фрезер? Неужели нельзя было до сих пор приспособить котлы к сжиганию некондиционного фрезера в смеси с углем? Правда, уголь ещё на Берендееве. Но почему его подвозка как следует не организована?

Дело ещё в том, как заявляет тов. Васильев, что тов. Эйдус плохо руководит основными кадрами. Производственные совещания командиров производства у директора проводятся от случая к случаю. Ежедневных диспетчерских совещаний он не проводит. Их ведёт главный инженер тов. Карасёв. Но и он поверхностно руководит техническими кадрами.

Многие из технических кадров недовольны замкнутостью технического и хозяйственного руководства. Некоторые из них пытались открыто указать на это тов. Карасёву. 11 марта на партийном бюро начальник цеха тов. Носков заявил тов. Карасёву, что он мало бывает на основном производстве в его ведущих цехах, а больше посвящает себя паросиловому хозяйству, тем самым обезличивая главного механика.

Но такие попытки критиковать «начальство» дорого обходятся смельчакам. Тов. Карасёв тогда же оборвал тов. Носкова словами:

— Ты лучше расскажи, как сам работаешь?

После подобной реплики больше никто из присутствующих на партбюро не осмелился разинуть рта. И, как ни странно, секретарь партбюро т. Васильев не набрался смелости поправить тов. Карасёва.

Вообще на фабрике критика и самокритика не в почёте. Приведём ещё пример. Секретарь цеховой парторганизации т. Данилов заявил:

— Теперь я хожу на собрания для того, чтобы послушать других, а сам не выступаю. Дважды я выступал откровенно, но потом пришлось раскаиваться. Первый раз покритиковал секретаря партбюро т. Васильева. После этого он больше месяца со мной не разговаривал и не давал никаких указаний по партийной работе. Второй раз выступил в январе на собрании по адресу директора тов. Эйдуса. После этого он встретил меня на воскреснике на топливном складе и язвительно заявил:

— Давай, давай работай лучше. Это тебе не с трибуны кричать.

И неслучайно коммунисты плохо ходят на собрания и почти никто из рядовых коммунистов не выступает. Так, за весь 1945 год на партийных собраниях из рядовых коммунистов выступало только четверо. Ещё меньше они выступают в местной печати.

Такая нездоровая атмосфера, созданная руководителями фабрики, неслучайна. Она таит в себе немало других теневых сторон. Мы хотим сказать о фактах самоснабжения. Они имеют большое место на фабрике.

Например, с подсобного хозяйства фабрики за три месяца ушли по назначению сотни литров молока, в то время как рабочие, работающие во вредных цехах, получили его 90 литров. Ордера на промтовары распределялись без достаточного рабочего контроля и выдавались часто не по принципу нуждаемости, а по чинам. Немало ушло промтоваров и без ордеров, через цеха ширпотреба.

Ларчик здесь открывается очень просто. Вместе с заказами для фабрики надомницам дают пошивочный материал на «особые заказы» лично для администрации и её приближённых. Причём это не отражается ни в каких документах и даже в ведомостях по заработной плате надомниц. За выполнение подобных «заказов» с надомницами расплачиваются сами «заказчики», в лучшем случае мелкими подачками или ордерами из каких-то загадочных фондов, а больше никак не расплачиваются. Среди должников надомницам тов. Эйдус и зав. пошивочной мастерской тов. Аникин.

Вот почему на фабрике некоторые стараются повесить на критику и самокритику здоровый замок. Они за то, чтобы не выносить сора из избы.

А куда глядела парторганизация? Она обходила такие острые вопросы. Партийное руководство старалось сглаживать их, а не заострять, хотя сигналы о зажиме самокритики о самоснабжении были. Но партийное бюро не прислушивалось к голосу коммунистов и беспартийных, пренебрегало критикой и самокритикой. Оно слабо вникало в производственную жизнь. Недостаточно контролировало хозяйственную деятельность директора, который не всегда считался с решениями партийного бюро и в целом парторганизации.

Партийное бюро мирилось с оторванностью хозяйственного руководства от масс, с тем, что директор мало доверял своим кадрам и сам делал не всё. Он слабо был связан с рабочими. В этом году он не выступал перед ними, не вникал в их нужды. Этим объясняется то, что директор не знает лучших людей, растерял орденосцев. С ними не велось отдельной работы. О лучших людях он вспоминал только в своём докладе на каком-нибудь большом совещании.

Знатная орденоноска Малиновская говорит, что

директор для меня недоступен. Попасть к нему на приём не так-то легко. Моя жалоба на плохие квартирные условия не дошла до сознания наших руководителей. Дом, в котором я живу, имеет паровое отопление, но отапливают его нерегулярно. Но так как в моей комнате нет другого печного прибора, кроме паровых труб, то часто приходится жить в холоде, что отражается на здоровье. Роль же фабкома в этих и других вопросах ничтожна.

Подобному порочному стилю хозяйственного и партийного руководства надо положить конец. Надо коренным образом улучшить и укрепить хозяйственное, партийное и профсоюзное руководство. Сделать серьёзные выводы из приведённых здесь фактов.

Да, такой вопрос назрел.

Откроем огонь большевистской критики и самокритики по тёмным местам. Это поможет глубже вскрыть недостатки и вывести фабрику из отстающих в передовые. Дальше терпеть хроническое отставание фабрики нельзя. Фабрика «Красное эхо», перед которой стоят колоссальные задачи, вытекающие из речи товарища Сталина, из плана первой послевоенной сталинской пятилетки, должна стать ведущей фабрикой в городе. Поручкой этому является здоровый, дружный рабочий коллектив и способность парторганизации с честью решить эту задачу.